

ЕЛЕНА Елена Бляватская БЛАВАТСКАЯ

КАРМИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ

«ДРУЖБЕ ЧУВСТВ»

- Нерассказанная тайна
- Легенда о Голубом Космосе
- Загадочная жизнь
- Святаярская дикая
- Пещера, где живет зло
- Кармические вадры

Елена Блаватская

Кармические видения

(Произведение Е.П. Блаватской, написанное под псевдонимом «Санджна».)

*«О, больше нет печали!
О, сладостное Больше нет!
О, чуждое мне Больше нет!*

*Близ мшистого берега, где бежит ручеек
На камне растет одинокий цветок.
И чувствую я дивный запах его,
В ушах раздается же только одно,
На очи мои навернулась слеза,
Да, прежнее счастье ушло навсегда...
В земле на три фута, ТЕПЕРЬ НИКОГДА!»*

Теннисон, «Самоцвет», 1831

Лагерь на поле брани полон военных колесниц, громко ржущих лошадей и легионов длинноволосых воинов.

Разноцветный королевский шатер, безвкусно пестрый в своем варварском великолепии. Его льняные стены едва не провисают под тяжестью оружия. В центре возвышается обитое шелком сиденье, на котором восседает воин крепкого сложения и очень дикой внешностью. Он разглядывает пленников, которых подводят к нему по очереди. И судьба их решается согласно прихоти бессердечного деспота.

Сейчас перед ним стояла очередная пленница и обращалась к нему с неистовостью в голосе... Когда он слушал ее, с трудом сдерживая страсть на своем мужественном, но свирепом и жестоком лице, белки его глаз наливались кровью и вращались от ярости. Когда он наклонился вперед, зловеще глядя на женщину, то вся его свирепая внешность – спутанные волосы, нависающие над нахмуренными бровями, ширококостное, мускулистое тело с могучими руками, положенными на щит, стоящий справа от него – вынудила седоголового воина, расположившегося неподалеку, прошептать:

– Не стоит ждать пощады святой пророчице, угодившей в лапы Хлодвига! [\[1\]](#)

Пленница, стоявшая между двумя бургундскими воинами, пристально глядела в глаза бывшему салическому принцу, а ныне королю всех франков. Это была очень старая женщина с серебристо-белыми взъерошенными волосами, ниспадающими на ее худые, как у скелета, плечи. Несмотря на почтенные годы, она держалась совершенно прямо, а ее вдохновенные глаза гордо и бесстрашно рассматривали жестокое лицо коварного сына Хильдерика. [\[2\]](#)

– Да, король, – громким, звенящим голосом промолвила она. – Да, сейчас ты велик и могуч, но твои дни сочтены, и твое царствование продлится не более трех лет. Ты был рожден порочным и злобным... ты предательски относишься к своим друзьям и союзникам и наградил больше, чем кто-нибудь, носящий законную корону. Убийца своих ближайших родственников, в честном бою ты, помимо ножа и копья, пользуешься кинжалом, ядом и изменой, но будь осторожнее со служанкой Нертус! [\[3\]](#) [\[4\]](#)

– Ха-ха-ха, старая ведьма из Ада! – захихикал король со зловещей презрительной усмешкой. – Воистину, ты выползла из нутра твоей богини-матери. И ты не боишься моего гнева? Что ж, это хорошо. Но мне вряд ли следует бояться твоих пустых проклятий... мне, крещеному христианину!

– Это, конечно, так, – отвечала прорицательница. – Всем известно, что Хлодвиг отказался от богов своих отцов; что он навсегда потерял веру в предостерегающий глас белого солнечного коня и что, не боясь алеманов, склонил колени перед Ремигиусом Рейнским, назорейским служителем. Но разве ты стал соблюдать свою новую веру? Разве не ты хладнокровно убил всех твоих братьев, что верили тебе, после твоего отступничества, как это было и прежде? Разве ты не присягнул в вере Алариху, королю вестготов, и разве не ты предательски убил его, вонзив копье ему прямо в спину, когда он отважно сражался с врагом? Неужели даже теперь твоя новая вера и новые боги учат твою черную душу изобретать самые мерзкие средства против Теодориха, который может лишить тебя нынешнего положения?.. Берегись, Хлодвиг, берегись! Ибо нынче боги твоих отцов восстали против тебя! Берегись, говорю тебя, берегись, ибо...

– Эй, женщина! – яростно вскричал король. – Женщина, прекрати свои безумные речи и ответь на мой вопрос. Где сокровища священной дубравы, накопленные жрецами Сатаны и спрятанные ими после того, как их разогнал Крест Господень?.. Ведь тебе одной известно про это! Отвечай, или, клянусь Небесами и Адом, я вырву язык из твоей поганой глотки!

Она не обратила внимания на угрозу, а спокойно продолжала говорить, будто вовсе не слышала слов короля.

– Боги утверждают, что ты проклят, Хлодвиг, и что возродишься заново среди твоих нынешних врагов, и станешь претерпевать те же муки, которыми ты подвергал свои жертвы. И еще, ты лишишься своего могущества и славы и так и не достигнешь их в будущем!.. Ты...

Прорицательница так и не закончила своей фразы.

Чудовищно выругавшись, король сжался, подобно дикому зверю, на покрытом кожей сиденье и, прыгнув на женщину как ягуар, одним могучим ударом свалил ее на землю. И когда он вознес над нею свое острое смертоносное копье, «Святейшая» племени солнцепоклонников звонко огласила воздух последним проклятием.

– О, враг Нертус, я проклинаяю тебя! И пусть мои мучения воздадутся тебе десятикратно!.. И пусть Великий Закон отомстит...

Увесистое копье пронзило горло жертвы, пригвоздив ее голову к земле. Фонтан горячей крови хлынул из разверстой раны, забрызгав одеяние короля и солдат...

Время... этот межевой знак для богов и людей в бесконечном пространстве Вечности, беспощадный убийца собственного потомства и памяти человечества... время движется бесшумным, непрерывным шагом через зоны и века... И вот, среди миллионов Душ возрождается Душа-Эго: заново возрождается, во благо или для печали – кто знает? Будучи плененной новой человеческой Formой, она растет вместе с нею, и в конце концов они вместе начинают осознавать свое существование.

Счастливы годы цветущей юности, неомраченные нуждой и печалью. Эти лета не ведают ни Прошлого, ни Будущего. Все для них суть радостное Настоящее: ибо Душа-Эго не осознает, что некогда она жила в иной человеческой оболочке, равно как не знает она, что будет возрождаться снова и снова, поэтому не думает о завтрашнем дне.

Эта Форма спокойна и довольна, и пока это так, Душа-Эго не ведает горя. Она счастлива благодаря постоянно мягкой безмятежности характера и любви, которую она распространяет вокруг, где бы ни находилась. Ибо это – благородная Форма, а сердце ее полно благожелательности и доброты. Эта Форма никогда не пугает свою Душу-Эго жестокими потрясениями и не беспокоит безмятежное состояние ее владельца.

Годы плавно скользят, как одно короткое паломничество; долгое путешествие через залитые солнечным светом жизненные тропинки, окаймленные вечно цветущими розовыми кустами без колючек. Очень редко печаль выпадает на долю этой пары, Formы и Души, являясь им скорее как бледный свет холодной северной луны, отблеск которой погружает все освещаемые ею предметы в глубочайшую тень, нежели кромешную тьму ночи, ночи безнадежной печали и отчаяния.

Сын Принца, рожденный для того, чтобы однажды править королевством своего отца, с самой колыбели был окружен уважением и почестями; заслужил всеобщее почтение и любовь... Чего же еще может пожелать Душа-Эго для Formы, в которой она нашла себе пристанище!

Вот так Душа-Эго продолжает наслаждаться жизнью в своей неприступной башне, спокойно любясь постоянно сменяющейся жизненной панорамой, расстилающейся пред ее двумя окошками – двумя голубыми глазами любимого и благочестивого человека.

Наступает время, когда дерзкий и неистовый враг угрожает отчему королевству, и тогда дикие, свирепые инстинкты старого воина просыпаются в Душе-Эго. Оно покидает свою страну грез посреди жизненного расцвета и заставляет свое человеческое Эго выхватить боевой клинок, убеждая его, что это – защита своей страны.

Побуждая друг друга к действию, они покоряют врага и покрывают себя славой и почетом. Они заставляют надменного врага поедать пыль у своих ног в наивысшем унижении. Ибо они увенчаны историей неувядающими лаврами героизма, как все победители. Из поверженного врага они делают скамеечку для ног, и небольшое королевство их предков становится великой империей. Удовлетворенные, ибо не смогли бы добиться большего в настоящее время, они возвращаются к уединению и удаляются в стан грез своего родимого дома.

И на протяжении больше чем пятнадцати лет Душа-Эго остается на своем обычном месте, рассматривая из своих окон мир, лежащий вокруг. Над ее головою – синее небо и широкие горизонты покрытые, внешне неувядающими цветами, произрастающими в солнечных лучах благосостояния и могущества. Все выглядит чудесно, как зеленеющий луг весной...

Однако во всей этой драме бытия наступает злой час. Он является в жизни и короля и нищего. Он оставляет следы в истории каждого смертного, которого родила женщина, и его нельзя ни стереть, ни избежать, ни умиловать. Благосостояние – это капля росы, ниспадающая с Небес, чтобы оживлять расцвет на земле, но только во время утра жизни, ее весны и лета... Это очень короткий период, и он возвращается туда, откуда и явился – в невидимые царства.

И вот под почкою расцветшей,
что стала ярче и прекрасней,
Таится червоточина, что зачастую портит
Цветок, который распускаются все реже,
А затаившийся в нем червь его грызет. [\[5\]](#)

Песок в песочных часах, отмеривающих жизнь человека, почти уже на дне, поэтому часы жизни сочтены, а песок утекает все быстрее и быстрее. Червь гложет здоровье, неумоимо прогрызая сердце. И некогда сильное, крепкое тело оказывается распростертым на тернистом одре боли.

Больше Душа-Эго не улыбается лучезарной улыбкой. Она неподвижно сидит и печально смотрит на то, что становится окнами его темницы, на мир, который теперь стремительно завертывается перед ним в похоронный саван страданий. Неужели это и есть предвестие вечной ночи, подступающей все ближе и ближе?

Как прекрасны курорты на побережье моря, удаленном от центра страны! Куда ни кинешь взор, повсюду расстилается бесконечная линия черных, подточенных приливами неровных, хмурых скал, возвышающихся посреди золотого песка берега и глубоких синих вод пролива. Они подставляют свою гранитную грудь неистовым ударам северо-западного ветра, тем самым защищая дома богачей, угнездившиеся на своих мощных фундаментах с другой их стороны. Полуразрушенные коттеджи на открытом берегу – хлипкое убежище для бедняка. Но они лишь следуют великому закону выживания самых приспособленных. Но почему же именно *ИХ* следует защищать?

А как красиво утро на рассвете, когда его первые золотисто-янтарные лучи словно целуют скалы этого прекрасного берега? Слышится радость в песне жаворонка, когда он, вылетая из своего травяного гнезда, пьет утреннюю росу из глубоких чашечек цветов; когда розовые бутоны трепещут от первого ласкового прикосновения солнечного лучика, а земля и небеса улыбаются в обоюдном приветствии. Только вот печальна Душа-Эго, когда она наблюдает за пробуждающейся природой с высокой постели, стоящей напротив огромного эркера.

Как спокойно и тихо приближается полдень, когда тени солнечных часов решительно ползут к отметке часа отдохновения. Теперь жаркое солнце начинает расплавлять облака в прозрачном воздухе, и последние полоски утреннего тумана, все еще обволакивающие вершины отдаленных холмов, наконец, исчезают. Вся природа в этот жаркий и ленивый полуденный час готовится к отдыху. Крылатое племя прекращает свое пение; их мягкие, цветистые крылья изнемогают, и птицы опускают усталые головки, выискивая убежище от нестерпимого пекла. Утренний жаворонок занят тем, что гнездится в кустах под гроздьями цветов граната, растущих вдоль гладкого средиземноморского пляжа. И даже самый громкий певец в эти мгновения замолкает.

– Его сладкий голосок снова весело запоет, но это будет завтра! – вздыхает Душа-Эго, прислушиваясь к замирающему жужжанию насекомых, обитающих в зеленых болотах. – А запою ли вновь когда-нибудь я?

И вот напоенный цветочным ароматом легкий ветерок едва скользит по верху утомленной растительности. Одинокая пальма, пробившаяся сквозь щель в покрытой мхом скале, почти ухватывает взгляд Души-Эго. Ее одиночный торчащий вверх цилиндрический ствол весь изогнулся и почти переломился от мощных порывов ночных северо-западных ветров. И раскинув из стороны в сторону свои похожие на перья утомленные руки, пальма раскачивается туда-сюда в голубом прозрачном воздухе, она вся трепещет и чуть ли не ломается надвое от первого же шквального порыва ветра.

– А после отделившаяся часть рухнет в море, и этой одинокой величественной пальмы больше не станет, – говорит сам с собой Душа-Эго, печально взирая в окно.

Все возвращается к жизни, когда в час заката в старой беседке наступает прохлада. Тень на солнечных часах с каждой минутой становятся длиннее, и оживившаяся природа пробуждается даже сильнее, нежели в самые холодные часы приближающейся ночи. Птицы и насекомые чирикают и жужжат, исполняя свои последние вечерние гимны вокруг этой мужественной и все еще могущественной Формы, когда она медленно и устало ступает по покрытой гравием тропе. И теперь ее суровый взгляд с тоскою и затаенной завистью взирает на голубую вздымающуюся грудь умиротворенного моря. Пролив искрится, подобно ковру из синего бархата с вкрапленными в него самоцветами, в этом прощальном танце солнечных лучей и улыбается, как задумавшееся утомленное дитя, усталое от долгого гуляния по берегу. А еще дальше, спокойное

и безмятежное в своей коварной красоте, все дальше и дальше расстилается море, своими холодными водами напоминая гладкое зеркало... соленое и горькое, как человеческие слезы. Оно лежит в своем предательском покое, подобно гигантскому спящему чудовищу, и стережет непостижимую тайну своих черных бездн. Оно действительно являет собой кладбище без памятников, где нашли свой последний приют миллионы утонувших в его глубинах...

Без могилы, без погребального звона,
И не положенных во гроб,
непогребенных и безвестных...

Когда печальные останки единственной благородной Формы проходят там, как только их час пробьет и гулкоголосые колокола звонят по усопшим, отделившуюся душу следует подготовить к погребению и похоронить с помпой. Об ее разрушении и распаде возвестят миллионы трубных гласов. Короли, принцы и все могущественные люди на земле явятся на ее похороны или пошлют своих представителей с печальными ликами и изъявлениями соболезнования тем, кто навеки остался после них...

– Выиграно лишь одно очко у тех, непогребенных и безвестных, – вот горькое размышление Души-Эго.

Таким образом один день стремительно сменяется другим; и когда быстроекрылое Время убыстряет свой полет, каждый исчезающий час разрывает некую нить в материи жизни, а Душа-Эго – это постепенно преобразованные в своих видах предметы и люди. Проносясь между двумя вечностями, гораздо дальше от своего места рождения, одинокая среди толпы своих врачей и слуг, эта Форма с каждым днем все ближе и ближе тянется к своей Душе-Сущности. И теперь другой свет, не доходящий и недоступный в дни радости, мягко опускается на изможденного пленника. Теперь это кажется тем, что прежде никогда нельзя было постичь...

Как велики и таинственны весенние ночи на морском берегу, когда ветры словно цепенеют, и все стихии утихают! Тогда в природе воцаряется торжественная тишина. Едва слышен шум серебристой волны, мягко набегающей и нежно ласкающей влажный песок, ракушки и гольши. Совершая свое бесконечное путешествие вверх и вниз, шум волны достигает слуха, подобно нежному нескончаемому дыханию, исходящему от мерно вздымающейся груди спящего. До чего же ничтожным, маленьким и беззащитным чувствует себя человек во время этих спокойных часов, когда он находится между двумя гигантскими непостижимыми величинами: усыпанном звездами небесным куполом и спящей землею. Небеса и земля погружены в сон, но их души бодрствуют, и они ведут между собой бесконечную беседу, шепотом передавая друг другу невыразимые тайны. Вот тогда-то оккультная, сокровенная сторона Природы и приподнимает для нас свою завесу, и открывает нам тайны, которые мы тщетно попытались бы отыскать днем. Кажется, что небесный свод, настолько удаленный от земли, в эти мгновения приближается и склоняется над нею. Звездные луга обмениваются объятьями со своими более скромными земными братьями – полянами, усыпанными маргаритками и спящими изумрудными полями. Небесный свод падает ниц в объятья величественного умиротворенного моря; и мириады звезд, что усыпали небосвод и смотрели на землю, словно купаются в каждом озерце и лужице. Для изрезанной скорбными морщинами души эти мерцающие светила как глаза ангелов. С невыразимой печалью они взирают с вышины на страдающее человечество. И не ночная роса покрывает лепестки спящих цветов, а слезы сострадания, что падают из этих глаз при виде **ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОРЯ**.

Да, нежна и прекрасна южная ночь. Однако...

Когда мы молча наблюдаем за одром,
В мерцании ночного света,
И все, что любим, спешно ускользает прочь,
Ох, до чего ж ужасна Ночь...^[6]

Каждый день хоронит с собою еще целую череду дней. Далекие зеленые холмы и хрупкие ветви цветущего граната незаметно сливаются с густым ночным мраком, а одновременная печаль и радость погружают в оцепенение спящую душу, жаждущую покоя. В королевских садах замирают все шорохи, и во всеобъемлющей тишине не слышать ни голоса, ни звука.

Улыбающиеся звезды навевают быстрокрылые сны на разноликие толпы людей, и, спускаясь на землю, эти сны рассеиваются среди простых смертных и бессмертных, среди животных и людей. Они парят над всеми спящими, и каждый сон притягивается спящим по своей близости к нему и характеру; это сны радости и надежды, сны сладкие и невинные, ужасные и кошмарные, и все эти сны, проходя сквозь закрытые очи, ощущаются душою; некоторые вселяют надежду и утешение, иные вызывают рыдания, и тогда вздымающаяся грудь чувствует нестерпимую тяжесть, глаза – выступающие слезы, а разум – мучения; и все это бессознательно готовит спящих к их пробуждающимся мыслям о завтрашнем дне.

Даже во сне Душа-Эго не знает покоя.

Жар и лихорадка ее тела вызывают у нее почти нескончаемую муку. Поэтому время счастливых снов – теперь лишь исчезнувшая тень и долгие воспоминания о прошлом. Физические страдания терзают полностью пробудившуюся Душу. С холодных и неприветливых идолов мира снимается иллюзорный покров, тщета и пустота славы и богатства стоят перед глазами полностью обнаженными, а нередко и отвратительными. Мысли Души падают, как тени, на мыслительные способности этого стремительно разрушающегося тела, преследую думающего днем, ночью, каждый час...

Зрелище фыркающего боевого коня больше не радует его взгляд. Воспоминания об оружии и стягах, отбитых у врага; о покоренных городах, о траншеях, пушках и походных шатрах, о побежденных армиях теперь совсем мало щекочут его национальную гордость. Подобные мысли больше не двигают им, а тщеславие становится бессильным, чтобы разбудить в его больном сердце величественное признание героических рыцарских подвигов. Совершенно другие зрелища теперь преследуют его скучным днем и бессонными ночами...

Теперь он видит столпотворение воинов, кромсающих друг друга среди дыма и крови; тысячи изуродованных трупов покрывают землю. Они разорваны и разрублены на куски при помощи смертоносного оружия, изобретенного наукой и цивилизацией, благословляемыми на успех слугами его бога. Теперь он видит истекающих кровью, израненных и умирающих людей, с оторванными руками и ногами и всклокоченными волосами, в одеждах, пропитанных кровью насквозь...

Отвратительный сон сам отделяется от череды проплывающих видений и тяжело опускается на его больную грудь. В этом кошмаре он видит людей, умирающих на поле боя и в последнюю секунду проклинающих тех, кто послал их на эту бойню. И каждый приступ боли приносит ему во сне воспоминания о муках еще более сильных, о болях, которые доводилось некогда претерпеть ему. Он видит и *чувствует* мучения погибших миллионов людей, которые умирают после долгих часов жуткой мысленной и телесной агонии; которые испускают свой последний дух в лесах и на равнинах, в придорожных канавах с застоявшейся водою, умирающих в лужах крови под черным от дыма небом. Его пристальный взгляд снова и снова впивается в потоки крови, каждая капля которой – это слеза отчаяния, пронзительный вопль разорвавшегося сердца и беспредельной печали. Снова он слышит их леденящие кровь крики безысходной скорби, и эти крики громко звенят над горами, лесами и долинами. Он видит старух-матерей, навеки лишившихся света души; он видит целые семьи оставшихся без кормильца. Он замечает молодых вдов, выброшенных в огромный, равнодушный мир, и нищих сирот, жалобно плачущих на улицах среди тысяч других. Он видит молодых дочерей своих самых храбрых солдат, обменивающих свои траурные одежды на цветастые, мишурные платья проституток, и Душа-Эго невольно вздрагивает в своей спящей Форме... Его сердце разбито от отчаянных криков умирающих от голода; его глаза ослеплены дымом горящих деревень, разрушенных домов, городов и сел, превращенных в тлеющие развалины...

И в этом кошмарном сне он вспоминает тот момент безумия в жизни солдата, когда, стоя над грудой погибших и умирающих людей, он махал вправо и влево рукою, сжимающей обнаженный меч, красный по рукоятку от запекшейся крови, и падающего к его ногам воина, погибшего от его руки, и как громоподобным голосом посылал он молитвы к трону Всевышнего, благодаря его за одержанную победу!..

Он спит – и просыпается в ужасе. Все его тело сотрясается, как осиновый лист, и он откидывается на подушки, совершенно измученный воспоминаниями. И тут он слышит голос – голос Души-Эго, которая говорит ему:

– Слава и победа – тщеславные слова... Благодарность и молитвы за уничтоженные жизни – злобная ложь и богохульство!..

– Что же принесли тебе или твоей родине эти кровавые победы? – шепчет Душа, затаившаяся внутри него. – Народ облачился в металлическую броню, – доносится до него ответ. – Много миллионов людей теперь мертвы для духовных стремлений и жизни Души. И оттого народ глух к мирному голосу долга самых достойных граждан и питает отвращение к мирной жизни. Он слеп к искусству и литературе, равнодушен ко всему, кроме корысти и тщеславия. Ну, и каково же твое будущее, Королевство? Легионы военных марионеток, как единое целое, и огромный дикий зверь в их общности. Теперь этот зверь мрачно дремлет, как море за твоим окном, но он готов впасть в лютую ярость при виде первого врага, на которого ему укажут. Укажет, но кто? Как будто бессердечный, гордый дьявол, внезапно принявший на себя власть, олицетворяющий собою Тщеславие и Могущество, охватил железной дланью разум целого государства. Благодаря какому злему колдовству перенес он народ на много веков назад, к примитивной жизни, когда его предки, желтоволосые свебы и грозные франки, странствовали, охваченные воинственным духом, жаждя убивать, чтобы истребить каждого десятого и покорить друг друга. Благодаря каким адским силам все это свершилось? И все же изменение произошло, и это стало таким же неизбежным фактом, что один лишь враг рода человеческого радуется и похвалится тем, что это изменение свершилось. Весь мир затаил дыхание в ожидании. Не жены

или матери, а появляющейся в ее снах черной, огромной штормовой тучи, нависшей над всей Европой. Эта туча надвигается все ближе и ближе... О, горе и ужас!.. Я снова предвижу для земли страдания, которыми я уже был свидетелем. Я вижу роковую участь по выражению лица цветущей юности Европы! Но пока я живу и обладаю властью, никогда, о, никогда моя страна не снова не примет участие в этом! Нет, нет, я не увижу...

Смерть ненасытную, что жадно поглощает
измученные жизни...

Я не услышу —

Как мать пронзительно кричит,
Та, у которой отняли ее дитя,
В то время, как из рваных ран мужчин
Жизнь истекает — и быстрее, чем кровь!..

Все сильнее растет в Душе-Эго чувство нестерпимой ненависти к ужасной мясорубке, именуемой войной; все глубже поражают мысли об этом Форму, в которой томится ее пленница. Порой в ноющей груди пробуждается надежда, которая окрашивает долгие часы одиночества и раздумий; как утренний луч, рассеивающий мрачные тени уныния, она озаряет долгие часы одиноких раздумий. Но как и радуга не всегда разгоняет штормовые тучи, а часто является лишь преломлением садящегося солнца на проплывающее облако, так и за короткими мгновениями призрачной надежды, как правило, следуют часы еще более черного отчаяния. Почему, ну, почему, ты, насмешливая Немезида, среди всех властелинов этой земли очистила и озарила его, которого сделала беспомощным, немым и бессильным? Почему ты зажгла пламя священной братской любви для человека, сердце в груди которого уже чувствует приближение холодной руки смерти и разложения и силы которого с каждым мгновением покидают его, а его жизнь вытекает из него, подобно пене на гребне волны?

И вот рука Славы лежит на одре боли. Наконец настал час, когда природа исполняет свой непреложный закон. Старого короля больше нет; и с этого мгновения монархом становится более молодой человек. Еще не умеющий говорить и беспомощный, тем не менее, он – могущественный, аристократический хозяин миллионов подданных. Жестокая Судьба вознесла его на трон над открытой могилой и приманивает его славой и властью. Терзаемый мучениями, он вдруг находит себя коронованным. Опустошенная Форма выхвачена из теплого гнезда посреди пальмовой рощи и роз; ее уносит ветром с ароматного, благовонного юга на морозный север, где вода превращается в кристаллический лес и «волна на волне вырастают суровые горы»; и туда он теперь спешит царствовать и... спешит умереть.

Все дальше и дальше вперед устремляется черное, огнедышащее чудовище, изобретенное человеком, чтобы частично завоевать Пространство и Время. Вперед, и с каждым мгновением еще дальше летит поезд из целебного, благоухающего юга. Подобно дракону с изрыгающей пламя головой, он жадно пожирает расстояние, оставляя позади длинный хвост дыма, искр и вони. А когда его длинное, огромное, гибкое тело, извиваясь и шипя, как гигантская черная рептилия, стремительно скользит вперед, преодолевая горы и болота, лес, туннель и равнину, он, своим монотонным движением убаюкивает усталого пассажира, изможденную и опечаленную Форму, чтобы дать ей уснуть...

В этом движущемся дворце воздух теплый и благовонный. Роскошное средство передвижения полно экзотических растений; а от огромного количества ароматных цветов поднимается вместе с этим запахом Королева грез в сопровождении свиты из веселых эльфов. В чашечках из листьев смеются дриады, а когда поезд мчится дальше, рассылая дурманящий бриз на зеленые отдаленные поля и сказочные видения. Рокочущий звук колес постепенно превращается в рев отдаленного водопада, чтобы потом утихнуть в серебристых трелях прозрачного ручейка. Душа-Эго пускается в полет в Страну грез...

Она путешествует через зоны времени, через жизни и чувства под самыми разнообразными формами и обличиями. Теперь это гигант, Один, напавший на Муспелльсхейм. [\[7\]](#)

Она бесстрашно сражается против огромного количества чудовищных животных и поражает множество их одним взмахом своей могущественной руки. Потом она видит себя в Северной Стране туманов, она проникает под видом храброго лучника в Хельхейм, Царство Мертвых, где Черный Эльф открывает ему несколько своих жизней и их таинственную связь. «Почему человек страдает?» – спрашивает Душа-Эго. – «Потому что он остается человеком», – следует насмешливый ответ. Тотчас же Душа-Эго предстает перед священной богиней Сага. Она поет ему песнь о подвигах германских героев, об их добродетелях и пороках. Она показывает Душе могучих воинов, погибших от рук множества их же прошлых Форм, как на поле брани, так и свято защищая свою родину. Она видит себя в разных обличиях, то девственниц, то женщин, молодых мужчин и старцев, маленьких детей... Она чувствует, что умирает намного больше раз, чем в одной этой Форме. Она погибает, как герой... Дух, она видит, как сострадательные Валькирии уносят ее с поля брани в обитель Блаженства, находящееся под сияющей листвою Валгаллы. Она выпускает свой последний вздох в другой Форме, и тут ее с силой бросает в холодные и безутешные угрызения совести. Она закрывает невинные глаза в своем последнем сне, как дитя, и тотчас же прекрасные Эльфы Света переносят ее в другое тело... обреченное на вечные Страдания и Боль. И каждый раз смертельный туман рассеивается и проходит мимо взора Души-Эго, ничуть не быстрее, чем переправа через Черную Бездну, что разделяет Царство Живых от Королевства Мертвых. Тем самым «Смерть» становится для нее ничего не значащим словом, просто пустым звуком. И в каждом случае вера Смертного принимает объективную жизнь и форму для Бессмертного, как только между ними она перекидывает Мост. Потом они начинают постепенно исчезать, пока не исчезнут окончательно...

– Каково же мое Прошлое? – вопрошает Душа-Эго Урд, самую старшую из сестер Норн. [\[8\]](#) – Почему я страдаю?

Та разворачивает длинный пергаментный свиток и открывает долгую вереницу смертных существ, в каждом из которого Душа-Эго узнает одно из своих убежищ. Когда она добирается до последнего, душа видит руку, залитую кровью из-за бесконечных жестоких деяний и предательства. И тут она вздрагивает... Простодушные жертвы окружают ее и взывают к Орлогу

за отмщением.

– Каково мое немедленное Настоящее? – спрашивает смятенная Душа Верданди, среднюю сестру.

– Повеление Орлога – в тебе самом! – следует ответ. – Но Орлог не произносит его безрассудно, как это делают неразумные смертные.

– Каково же мое Будущее? – с отчаянием в голосе обращается Душа-Эго к Скульд, третьей Норне. – Неужели оно навеки будет черно от слез и лишено Надежды?

Ответа не последовало. Однако Сновидец ощутил в пространстве некое верчение, и внезапно сцена переменилась. Душа-Эго обнаружила себя на знакомом месте, в королевском дворце, прямо напротив сломанной пальмы. Прежде чем она вытянулась, как когда-то, огромное синее пространство воды отразило скалы и утесы, а вместе с ними и одинокую пальму, которая волею судьбы очень быстро исчезла.

Нежное, мелодичное и непрерывное журчание легких волн теперь превратилось в человеческий разговор и напомнило Душе-Эго о торжественных клятвах, неоднократно произнесенных в этом месте. И Сновидец с жаром повторяет слова, произнесенные прежде.

– Никогда, о, никогда я с этих пор не пожертвую единственным сыном родной земли ради пустой славы или тщеславию! Наш мир и без того полон неизбежной печали, и в нем так мало радости и блаженства. Неужели я добавлю к этой чаше горечи безмерный океан горя, крови, имя которому ВОЙНА? Прочь подобные мысли!.. О, больше никогда...

Странное зрелище и перемена... Сломанная пальма, некогда возвышавшаяся перед мысленным взором Души-Эго, внезапно выпрямила свой согбенный ствол и стала совершенно прямой и зеленой, как прежде. Потому как Душа-Эго испытала еще большее блаженство, почувствовав себя такой же сильной и здоровой, какой была всегда. И она громко запела четырем ветрам веселую и радостную песнь. И внутри он ощутил прилив радости и блаженства, и теперь ему показалось, что он знает, почему он счастлив.

Внезапно он перенесся в какой-то зал, как в сказке, освещенный огнями, и сделанный из материалов, которые он ни разу еще не видел. Он различил наследников и потомков всех монархов на земле, которые собрались в зале и стали одной счастливой семьей. Они больше не носили знаков королевского различия, а, как ему *показалось*, те, кто считались царственными принцами, правили посредством добродетели от своих собственных заслуг. Это – величие сердца, благородство характера, их наивысшие качества соблюдения законов, мудрость, любовь к Правде и Правосудию, на которых их воспитали к достоинству наследников тронов, королей и королев. Короны, благодаря власти и благоволению Господа, были сброшены, и теперь они правили «божественной милостью человечества», будучи единодушно избранными на престол благодаря признанию своего соответствия правлению и почтительной любви своих добровольных подданных.

Казалось, все вокруг странным образом изменилось. Тщеславие, ненасытная алчность и зависть – неверно называемые Патриотизмом – больше не существуют. Жестокий эгоизм уступил место простому альтруизму, а холодное равнодушие к желаниям и потребностям миллионов больше не находят благорасположения в глазах этого меньшинства. Бесплезная роскошь, напускные претензии – общественные и религиозные – все это исчезло. Войн больше нет, армии распущены. Солдаты начали прилежно возделывать землю, и по всему земному шару эхом отдалась песня его безудержной радости. Королевства и графства, окружающие его, стали как братья. Наконец-то настал этот великий, славный час! То, на что он едва отваживался надеяться и размышлял долгими бессонными ночами, теперь претворилось в жизнь. Великое проклятие снято, и теперь мир остается освобожденным и уверенно идет к своему перерождению!..

Трепеща от восторга, его сердце переполняется любовью и филантропией, он поднимается, чтобы щедро рассыпаться пламенной речью, которая войдет в историю, когда внезапно он ощущает, как его тело исчезает, а точнее, переходит в другое тело... Да, это больше не высокая, благородная Форма, с которой он так хорошо знаком, а тело кого-то еще, о ком он пока ничего не знает... Что-то темное пробегает между ним и спящим светом, и он видит в воздушных волнах очертания гигантского циферблата. И на этом огромном циферблате читает:

«НОВАЯ ЭРА: 970 995 ЛЕТ СО ДНЯ МОМЕНТАЛЬНОЙ СМЕРТИ НА ПОЛЕ БОЯ ОТ ПНЕВМО-ДИНО-ВРИЛА ПОСЛЕДНИХ 2 000 00 °СОЛДАТ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЗЕМНОГО ШАРА, 971 00 °СОЛНЕЧНЫЙ ГОД СО ДНЯ ЗАТОПЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ КОНТИНЕНТОВ И ОСТРОВОВ. ТАКОВО ПОВЕЛЕНИЕ ОРЛОГА И ОТВЕТ СКУЛЬДЫ...»

Он сделал невыносимое усилие и... снова оказался сам собою. Побужденный Душой-Эго ПОМНИТЬ и ДЕЙСТВОВАТЬ согласованно, он вознес руки к небесам и поклялся перед ликом всей природы сохранять мир до конца дней своих – по крайней мере, в своей собственной стране.

Отдаленный бой барабанов и протяжные крики о том, что он воображал в своих мечтах –

так он выражал восторженные благодарности, ибо только что принял обет. Затем короткий шок, громкий стук, и, когда глаза открылись, Душа-Эго смотрела сквозь них с изумлением. Его тяжелый взгляд встречается с почтительным и торжественным лицом врача, протягивающего ему обычную дозу лекарства. Поезд останавливается. Он встает с кровати, еще больше изможденный, чем когда-либо, и осматривается вокруг. Он видит бесконечные боевые шеренги, вооруженные новым и еще более смертоносным оружием уничтожения. Войска готовы к бою.

notes

Хлодвиг I (481–511) – основатель Франкского государства.

Хильдерик I (457–481), сын Меровея, король салических франков.

Питающая (Тацит. О происхождении германцев, X) – Земля, Богиня-Мать, самая милосердная и почитаемая богиня древних германцев. – *Прим. автора.*

Нертус – богиня плодородия, растительности и земли.

Джеймс Битти (1735–1883)

Ложе старой женщины в сером: Доверская легенда.

В скандинавской мифологии – огненная земля, существовавшая еще до начала творения), которую охранял Сурт со своим огненным мечом.

Богини судьбы в скандинавской мифологии: Урд – судьба, Вернанди – становление, Скульд – долг.